

УДК 81'33

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.117-126

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Е.С. Палеха

Институт педагогики, психологии и социальных проблем, г. Казань, 420039, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме профилактики речевой девиации и языкового насилия в средствах массовой информации и коммуникации. Описаны фрагменты текстов, моделирующих концепты антиценностей (*агрессия, насилие, смерть, безысходность, вседозволенность*) и используемых массовой культурой или конкретными авторами в качестве средства явного и скрытого речевого воздействия на адресата; приведены примеры языкового насилия из собственной лингвокриминалистской практики автора; затронут ряд нерешенных проблем научной экспертологии, социо- и психолингвистики. Кроме того, предлагается расширить практику применения понятия «лингвоэкология», использовать данные этой области лингвистического знания в разработке понятия «лингвистическая безопасность». Намечена перспектива дальнейших исследований в области упрочения лингвистической безопасности личности в сети Интернет, предложен ряд конкретных мер по профилактике лингвотоксичности интернет-среды.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, лингвоэкология, языковая личность, речевая девиация, языковое насилие, сетевой текст, лингвистическая безопасность, дискommunikация

Современное состояние средств массовой информации и коммуникации, проблемы, с которыми сталкивается языковая личность в Сети, отношение общества к *нетикету*, личным границам в пространстве гипертекста и так называемой «свободе слова» – все это и многое другое привело научное сообщество к необходимости разработать понятие «информационно-коммуникационная безопасность личности», переосмыслить подходы к роли общения, параметры информационного взаимодействия и законы коммуникации в сети Интернет как ключевые речевые и одновременно социально-психологические явления XXI в.

Под информационно-коммуникационной безопасностью чаще всего понимается «состояние защищенности индивидуального сознания от воздействия информационных факторов, вызывающих дисфункциональные психо-эмоциональные и социальные процессы в условиях межкультурного и внутрикультурного взаимодействия» [1]. Это понятие относится в большей степени к социологии или социальной психологии, и специалисты этих областей вынуждены констатировать следующее: в настоящее время в российской науке и практике

нет разработанных и апробированных методик и механизмов выделения параметров информационно-коммуникационной безопасности личности.

Единственный работающий механизм, находящийся в поле правоприменительных действий, имеет давнюю (по современным меркам) историю и нацелен на оценку результата коммуникативного процесса – того перлокутивного эффекта, который был получен в ходе знакомства адресата с авторским сообщением. Судебная лингвистическая экспертиза (или лингвокриминалистика) активно развивалась как прикладное направление филологического знания практически всю вторую половину XX в., сами же термины «экспертиза», «эксперт» в российское законодательство были введены в 1922 г.

Следует отметить, что с появлением сети Интернет задачи и подходы лингвистической экспертологии существенно изменились. Во-первых, тексты неизбежно стали анализироваться в дискурсивном пространстве подобных текстов. Во-вторых, резко увеличилось количество так называемых «спорных текстов» по делам об экстремизме (разжигании вражды и ненависти) и по защите деловой репутации, чести и достоинства: оба направления включают объективный лингвистический анализ параметров ложной и вредной информации, размещенной в открытом доступе в Сети. В-третьих, появилась проблема с анализом такого параметра, как «авторская интенция» (она имеет прямое отношение к школьному вопросу с уроков литературы «Что хотел сказать автор?» и юридическому концепту *умышленность*).

К примеру, договор на предоставление услуг по организации «тура в страну N с проведением Новогодней ночи» содержит имплицитное сообщение для покупателя тура о том, что «во время пребывания в стране N будет организовано празднование Новогодней ночи» (в помощь лингвисту-эксперту – конвенциональный, дискурсивный и орфографический анализ), поэтому претензии покупателя в случае отсутствия ожидаемого праздника вполне обоснованы. А если автор оферты утверждает, что фактически новогодняя ночь – это ночь с 31 декабря на 1 января и эту ночь клиент провел в обещанной стране N, то эксперт знакомит его с понятием «введение в заблуждение». Заметим, однако, что на практике не каждый судебный эксперт знаком с теорией речевых актов, механизмом импликации информации и интен-анализом.

Приведем еще один пример с труднодоказуемой авторской интенцией, в данном случае это оскорбление адресата. Нашумевшая в 2016 г. история о том, как рэпер Баста (Василий Вакуленко) дважды в сети «Твиттер» назвал Децла (Кирилла Толмацкого) «лохматым чмо»¹. Без применения дискурсивного анализа эта фраза однозначно отвечает критериям языкового оскорбления. Однако, во-первых, ее автор использовал в ответ на оскорбление в свой адрес (его музыку оппонент назвал «дерьмом»); во-вторых, сам Децл в своих песнях использовал самоинаминацию (безусловно, здесь «я» – лирический герой) «лохматый отморозок, дредастый панк со взглядом отморозка»² (в разных редакциях песни

¹ Децл отсудил у Басты 50 тысяч рублей за «лохматое чмо». – URL: <https://lenta.ru/news/2016/12/07/versus/>, свободный; Лантвева Е. Лингвист признал «лохматое чмо» не оскорбительным для Децла. – URL: <https://www.kazan.kp.ru/daily/26615.5/3632823/>, свободный.

² Здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация даны в соответствии с нормами современного русского языка. – Е. С.

«Опасный»³). В данном случае лингвист может анализировать словесный ярлык как отрицательно-оценочную вербальную идеологему (по терминологии Н.Е. Булгаковой – см. [2]), которая имеет некоторое сходство с кличкой, инвективной, дисфемизмом, но в то же время служит приемом создания образа-бренда певца.

Подобных примеров немало, судебная экспертиза же не работает как механизм, ограждающий пользователя от языкового насилия и шире – языковой агрессии в Сети, это инструмент скорее наказующий, карающий, чем защищающий.

Однозначного понимания терминов «языковое насилие» и «языковая/речевая агрессия» в современной науке о языке, очевидно, ввиду их узкоспециальной распространенности, пока не наблюдается. Феномен языкового насилия в той или иной степени описан в работах В. Бергсдорфа, Р. Бэрона и Д. Ричардсон (R. Baron, D. Richardson), В. Дикманна (W. Dieckmann), К. Хундхаузена (C. Hundhausen), Р.Г. Апресяна, А.Н. Баранова, В.В. Бойко, О.И. Быковой, Н.А. Купиной, О.Е. Старовой, А.П. Сковородникова, И.А. Стернина, А.П. Романенко, Е.И. Шейгал и др. Часть исследователей рассматривает насилие как разновидность речевой агрессии и связывает его проявление исключительно с вертикальными формами политической коммуникации, а именно с демонстрацией социального доминирования государства, с феноменом власти как социолингвистической категорией (см. [3–5]). Так, философ эпохи постмодернизма П. Рикер писал о том, что все тираны используют «извращение языка» (в русском переводе), и этот факт сам по себе, по мнению французского мыслителя, и является формой языкового насилия, которое в социо-политической практике находит проявление в текстах пропаганды и идеологических текстах: «Все известные нам тоталитарные системы в XX в. гораздо в большей степени пользовались извращением языка, чем физической силой: так называемые идеология и пропаганда – языковые формы насилия» [6, с. 32].

Некоторые исследователи, в частности А.П. Сковородников, не связывают феномены власти и языкового насилия, предлагая понимать последнее достаточно широко как «открытое или скрытое (латентное) вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. д.) или его поражение в полемике – в пользу адресата» [7, с. 10].

Наиболее «лингвистическую» трактовку языкового насилия мы нашли у Р.Г. Апресяна. Он замечает, что одной из форм такого насилия является «привнесение жаргона и ненормативной лексики в сферу общезначимой публичной коммуникации. В речи насилие прорывается в языке пренебрежения, грубости, оскорбления, презрения» [8, с. 13].

Наиболее лаконичное и современное определение феномена «языковое насилие» мы нашли в диссертационном исследовании Н.Е. Булгаковой – это «эксплицитное (открытое) или имплицитное (скрытое) речевое воздействие на адресата с интенцией либо дискредитировать, добиться его поражения в политической борьбе (в том числе в дискуссии), либо изменить его личностные установки (ментальные, идеологические, оценочные и т. д.)» [2, с. 6]. Автор исследования

³ URL: <http://text-zona.ru/news/2012-07-25-9973>, свободный.

выделяет два вида языкового насилия – эксплицитный (речевая агрессия) и имплицитный (речевое манипулирование).

При всей многоликости понятия «языковое насилие» остается открытым вопрос, который касается состояния языковой личности, подвергшейся такому направленному речевому воздействию. Для его описания подойдет ряд эмолексем – фрустрация, подавленность, психологический дискомфорт, эмоциональная травма, эмоциональное вторжение, дискомфорт, апатия и проч., впрочем, достаточно констатировать отрицательный эмоциональный перлокутивный эффект, полученный адресатом – полноправным участником процесса коммуникации – в процессе чтения/слушания сообщения, отправленного автором с целью оказать воздействие. В этом случае право на языковой и речевой комфорт, на сохранение личностных коммуникативных границ, на эмоциональное равновесие и здоровье адресата нарушается правом автора на свободу слова, свободу самовыражения и выбора личных коммуникативных целей. Для подобного рода неравностороннего и неравновесного речевого контакта мы предлагаем использовать пока еще неустоявшийся термин «дискоммуникация» – односторонне успешная коммуникация или коммуникация, нарушающая принципы экологичного взаимодействия, оказывающая на коммуниканта перлокутивный эффект высокой степени эмоциональной напряженности, которая не является его сознательным коммуникативным намерением (то есть к дискоммуникации не относятся те случаи, когда субъект желает получить негативные эмоции через вербально-невербальный контент и выбирает, например для просмотра фильм ужасов).

Языковая личность отчасти может регулировать процессы межличностных коммуникаций. К примеру, мы можем целенаправленно избегать общения с теми, чей речевой паспорт характеризуется словарной бедностью, речевым примитивизмом, склонностью к обесцениванию, дисфемизации речи. Однако целенаправленно избегать пейоративно маркированного контента в условиях массовой коммуникации (в Сети) на сегодняшний день практически невозможно.

Мы предлагаем ввести в научное и экспертное гуманитарное знание термин «информационно-коммуникативная безопасность», или «лингвистическая безопасность информационно-коммуникационной среды», под которой на данном этапе наших исследований мы понимаем состояние относительной защищенности индивидуального языкового сознания от воздействия текстов/сообщений, не входящих в поле коммуникативной желательности данной языковой личности и способных вызвать негативный эмоциональный перлокутивный эффект. Свобода общения, свобода слова, свобода самовыражения, как и любые другие общечеловеческие свободы, могут существовать только там, где не нарушаются границы «Другого».

Основоположником лингвоэкологии, или эколлингвистики, можно считать доктора филологических наук, профессора-консультанта кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета А.П. Сковородникова. Лингвоэкология – это направление лингвистической теоретической науки и ее прикладных областей, которое, во-первых, изучает факторы, негативно влияющие на развитие и использование языка, и, во-вторых, изучает пути и способы

обогащения языка и совершенствования практики речевого общения (см. [9, с. 105]). По инициативе ученого в Сибирском федеральном университете с 2013 г. издается электронное научное издание «Экология языка и коммуникативная практика», в котором публикуются научные исследования, посвященные разным аспектам лингвоэкологии и эффективности коммуникативных практик межличностного и массового общения.

За годы издания журнала было описано множество деструктивных явлений в языке и речи, таких как примитивизация речи, вербальная грубость, оскудение словарного запаса, речевая вседозволенность, криминализация и демократизация речи, языковой шум, угроза языку, чрезвычайная лингвоэкологическая ситуация, девиантное коммуникативное поведение, языковая русофобия, лингвотоксичность (см. [10, с. 28]).

На наш взгляд, эти ценные научные изыскания констатируют современное состояние вербальной коммуникативной практики и могут быть использованы для разработки основ лингвистической безопасности личности в сфере практики массовых коммуникаций. Известно, что среда Интернет характеризуется коммуникативной открытостью, масочностью контактов и мнимой вседозволенностью, а потому характеризовать ее как дружественную среду для личности не представляется возможным. Особенно разрушительное воздействие эта среда оказывает на личность, и без того находящуюся в подавленном, депрессивном состоянии, переживающую последствия неблагоприятной социализации, социальные конфликты, подверженную приступам речевой агрессии. Как правило, экстремальность политических, религиозных или социальных взглядов практически сразу находит отражение в языковом паспорте личности, в речевых стратегиях, приемах взаимодействия с окружающим миром и в способах интерпретации сетевого текста. Разбалансированная личность по-особенному реагирует на такой текст и конструирует в ответ собственный враждебный текст, маркированный рядом неспецифических признаков (отсутствие навыков гармонизации общения, несоблюдение этикетности речи, Я-центрирование, использование маркеров агрессивного текста, неэкологичные этикетки высказываний, директивизация когнитивной сферы и проч.) в том числе и в силу нарушения границ коммуникативной безопасности.

В качестве примера приведем коммуникативную ситуацию, сопровождавшую премьеру клипа «Смерти больше нет» московской электронной песенной группы «IC3PEAK», которая состоялась 30 октября 2018 г. На момент написания статьи количество просмотров только официальной версии клипа на портале YouTube превысило 33 млн просмотров, количество «лайков» приближается к миллиону (в комментариях выражено коммуникативное действие типа «одобрение»: *«вау круто», «клевый клип», «в этом клипе смысла больше, чем во всех других клипах, а правды больше, чем во всех новостях», «шикарно, актуально по сей день...»*)⁴. Согласно данным Сети, «IC3PEAK» является проектом Насти Креслиной и Николая Костылева и существует с 2013 г. Авторы-исполнители называют себя «аудиовизуальными террористами». Приведем припев и первый куплет этого произведения массовой культуры:

⁴ IC3PEAK – «Смерти больше нет», комментарии под видео. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MBG3Gdt5OGs>, свободный.

*Я заливаю глаза керосином:
 Пусть всё горит, пусть всё горит.
 На меня смотрит вся Россия:
 Пусть всё горит. Пусть всё горит!
 Я теперь готова ко всему на свете.
 Я отсидела свой срок в Интернете.
 Выхожу на улицу гладить кота,
 А его переезжает тачка мента.
 Я иду по городу в черном худи,
 Тут обычно холодно, злые люди.
 Впереди меня ничего не ждет,
 Но я жду тебя, ты меня найдешь.
 В золотых цепях я утопаю в болоте,
 Кровь моя чище чистых наркотиков.
 Вместе с другими тебя скрутят на площади,
 А я скручу в своей новой жилплощади (имеется в виду 'гроб'. – Е.С.).*

Видеоряд дополняет вербальный текст: действие разворачивается на фоне Дома Правительства РФ, в начале сюжета Настя обливается некоей жидкостью (бутафорским керосином) из пластиковой канистры (с точки зрения лингвокриминалистики, такое сочетание словесного и символического ряда может трактоваться как призыв сжечь Дом Правительства). Далее на фоне Мавзолея двое людей едят сырое мясо, отрезая поочередно его кровавые куски. Затем на набережной Москва-реки разливают по бокалам жидкость, напоминающую кровь, пьют ее; проделывают фокусы с отрезанием головы в гробе на фоне Собора Василия Блаженного (Покрова на Рву). Видеоряд строится на трех цветах – черном, белом, кроваво-красном.

Описания небольшого фрагмента этого креолизованного текста (видеоклипа) достаточно, чтобы составить представление о коммуникативном действии, которое разворачивается в Сети. Если вспомнить классическое определение Ю. Хабермаса, коммуникативное действие – это «действие, ориентированное на достижение взаимопонимания и согласия» [11, с. 12]. Структура коммуникативного действия (см. [11, с. 324–340]) описана им следующим образом: 1) «ориентация на взаимопонимание как механизм координации действий»; 2) «ситуация действия и ситуация речи»; 3) «фон жизненного мира», задающий условия и ресурсы взаимопонимания; 4) «сферы референций», или «притязания высказываний на значимость»: взаимопонимание подразумевает достижение согласия на уровне знания, нормы, оценок и чувств. Точкой отсчета в таком действии выступает не автор, инициатор речи и его интенция, а вся ситуация коммуникации в целом (диалог) и взаимное согласие как механизм координации действий автора послания и его адресата.

Возможно, что авторы клипа, текста песни создавали произведение в ироническом жанре типа «стеб», однако смех не является инструментом прочтения и расшифровки смысла сообщения. Зритель/слушатель получает доступ к крайне негативной картине мира авторов, в которой господствуют концепты *смерть*, *насилие*, *вседозволенность*, *безысходность*, *одиночество*. Пользователь юного возраста с неокрепшей психикой, неустоявшимися коммуникативными предпочтениями и отсутствием выработанных механизмов защиты от языкового

и визуального насилия, очевидно, будет воспринимать легко считываемое прямое послание (даже при наличии глубинного философского подтекста). Степень вредного воздействия подобного сетевого текста зависит от способности субъекта, получающего сообщение, справляться с негативным влиянием или подчиняться ему. И если текст воздействует на сознательные структуры личности, то видеоряд, музыкальное сопровождение и определенные слова-ключи – на бессознательные. Таким образом может формироваться принятие идеи смерти, допустимость образа крови в обычной жизни, безысходности человеческого существования, а может формироваться и психологическая готовность к действию – физическому насилию, революции.

Подтверждение нашему предположению о разных уровнях воздействия сетевого текста мы нашли в обсуждениях видеоклипа в различных молодежных группах и на страницах личных блогов. Преобладающее большинство трактовок смысла произведения сводится к отображению реалий российской политической жизни, например: *«Возможно, смысл слов таков: у страны с данным режимом власти и правительством нет никакого будущего. Ждать нечего. Остается только просто жить, а потом встретить его (ее). Бог имеется в виду или смерть? Или ни то, ни другое?»*⁵.

Маркировка 18+ на странице официального размещения ролика отсутствует. На сегодняшний день ролик не запрещен (основания не найдены) и находится в открытом доступе в сети Интернет.

Полностью ограничить субъекта коммуникации от негативного воздействия со стороны средств массовой информации и коммуникации невозможно. Однако, во-первых, могут быть созданы механизмы, в том числе IT-технологии, для более качественной фильтрации поступающей информации, сообщений, с которыми адресат только собирается ознакомиться, – даже всплывающий в Сети баннер с предупреждением «Осторожно! Вредная информация!» может служить средством профилактики последствий языкового насилия. Во-вторых, могут быть разработаны принципы гармонизации коммуникативного пространства и речевого поведения в Сети. В-третьих, в школах, сузах и вузах могут быть введены курсы по основам лингвистической или информационно-коммуникативной безопасности, где молодежь будут знакомить с техниками речевой обороны, механизмами работы с речевой агрессией, научат вступать в коммуникацию осознанно и не поддаваться насилию в Сети.

В заключение отметим, что наше исследование ставит много вопросов, ответы на которые не удастся найти в ближайшем научном будущем. В 2019 г. на русском языке вышло резонансное исследование американского политолога Тома Николса «Смерть экспертизы», в котором автор пишет о деградации экспертного научного знания, подмене его «публичным интеллектуализаторством», мифом о том, что в Сети можно найти ответы на любые вопросы: «Интернет – это богатейшее хранилище знаний, но в то же время – средство распространения повальной дезинформации. Интернет не только отупляет многих из нас, он делает нас более жестокими: сидя в одиночестве за клавиатурой, люди

⁵ Подтыкало Андрей (Личный блог). В чем смысл сингла и видеоклипа «IC3PEAK – Смерти больше нет»? Подробный разбор. 18+. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b409a3557975400a906b9df/v-chemmysl-singla-i-videoklipa-ic3peak-smerti-bolshe-net-podrobnyi-razbor-18-5be84e625d9d8200a985f5db>.

склонны больше спорить, чем обсуждать, и больше оскорблять, чем слушать» [12, с. 29]. Российская лингвистика стремится отвечать вызовам эпохи цифровизации, ученые пытаются разработать критерии лингвистической безопасности, используя потенциал междисциплинарных исследований на стыке лингвистики с психологией, социологией и др. областями гуманитарного знания. Задача научного экспертного сообщества заключается не только в оценке продуктов дискommunikации, но и в продвижении знания о законах лингвоэкологического взаимодействия, о возможной профилактике отклоняющегося, агрессивного, антисоциального поведения личности в Сети, о способах «бытовой» диагностики на уровне речи катастрофичности мироощущения близкого человека, о маркерах опасного для речевого сознания интернет-контента. По большому счету, все это станет возможно, когда в сфере массовых коммуникаций возродятся понятия речевой культуры, этичности текстового контакта, законов гармонизации общения и сформируется новая ценность – общение с «Другим».

Литература

1. *Покровская Е.М., Озеркин Д.В.* Проблема манипуляционного воздействия на человека в информационно-коммуникационном пространстве // *Современные проблемы науки и образования.* – 2012. – № 5. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7268>, свободный.
2. *Булгакова Н.Е.* Словесные ярлыки как средство языкового насилия (на материале российского политического дискурса XX – начала XXI века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Абакан, 2013. – 23 с.
3. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с.
4. *Власова Е.В.* Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2005. – 24 с.
5. *Bergsdorf W.* Politik und Sprache. – München, Wien: Olzog, 1978. – 186 S.
6. *Рикер П.* Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // *Вопр. философии.* – 1996. – № 4. – С. 27–36.
7. *Сковородников А.П.* Языковое насилие в современной российской прессе // *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Науч.-метод. бюл.* – Красноярск; Ачинск, 1997. – Вып. 2. – С. 10–15.
8. *Апресян Р.Г.* Сила и насилие слова // *Человек.* – 1997. – № 5. – С. 7–13.
9. *Сковородников А.П.* Об экологии русского языка // *Филол. науки.* – 1992. – № 5–6. – С. 104–111.
10. *Сковородников А.П., Копнина Г.А.* Лингвотоксичные явления в речи и языке // *Мир русского слова.* – 2017. – № 3. – С. 28–32.
11. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
12. *Николс Т.* Смерть экспертизы: как Интернет убивает научные знания / Пер. с англ. Т.Л. Платоновой. – М.: Эксмо, 2019. – 368 с.

Поступила в редакцию
15.01.19

Палеха Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Институт педагогики, психологии и социальных проблем
ул. Исаева, д. 12, г. Казань, 420039, Россия
E-mail: katerina.paleha@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 117–126

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.117-126

**Linguoecology as a Factor
of Information and Communication Security on the Internet**

E.S. Palekha

Institute of Pedagogy, Psychology, and Social Problems, Kazan, 420039 Russia
E-mail: katerina.paleha@gmail.com

Received January 15, 2019

Abstract

The problem of speech deviation and language abuse prevention in the mass-media communication was discussed. The purpose of the research was to identify the potential of linguoecology in struggling with linguistic violence and extremism on the Internet. A discourse description of the text content on the Internet was carried out. Typical language behavior patterns with signs of verbal aggression and deviation on the Internet were analyzed. Examples from the linguistic and criminological practice were provided. The problems faced during the analysis of texts on the Internet were described. A program has been proposed to reduce speech aggression by collaboration of researchers and experts. To solve the problems under study, the methods of complex linguistic and communicative analysis, content and intent analysis, conceptual analysis, discourse analysis, etc. were used. As a result of the study, it was concluded that texts modeling the concepts of anti-values (aggression, violence, death, hopelessness, permissiveness) and used as a means of explicit and hidden speech influence on the addressee should be attributed to dangerous network texts. There is the need to introduce the concept of “linguistic security” of a personality on the Internet. A number of unsolved problems in the field of scientific expertology, as well as socio- and psycholinguistics, were raised. Measures to prevent the practice of linguistic violence were proposed. An important result of the study is the suggestion to expand the practice of applying the concept of “linguoecology” and to use the data of this area of linguistics for developing the concept of “linguistic security”. The results of the study are important for strengthening the linguistic security of a person on the Internet, increasing the comfort and environmental friendliness of the web content, and preventing linguistic toxicity of the Internet environment.

Keywords: linguistic expertise, linguoecology, linguistic personality, speech deviation, linguistic violence, network text, linguistic security, discommunication

References

1. Pokrovskaya E.M., Ozerkin D.V. Problem of manipulative influence on people in the communication area. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*, 2012, no. 5. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7268>. (In Russian)
2. Bulgakova N.E. Verbal labels as a means of language violence (based on the Russian political discourse of the 20th – early 21st centuries). *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Abakan, 2013. 23 p. (In Russian)
3. Sheigal E.I. Semiotics of political discourse. *Doct. Philol. Diss.* Volgograd, 2000. 431 p. (In Russian)

4. Vlasova E.V. Hostile rhetoric in printed media (based on German and Russian newspapers of the 1930s and 1990s). *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Saratov, 2005. 24 p. (In Russian)
5. Bergsdorf W. *Politik und Sprache*. München, Wien, Olzog, 1978. 186 S. (In German)
6. Ricœur P. The triumph of language over violence. Hermeneutic approach to the philosophy of law. *Voprosy Filosofii*, 1996, no. 4, pp. 27–36. (In Russian)
7. Skovorodnikov A.P. Language violence in the modern Russian press. *Teoreticheskie i Prikladnye Aspekty Rechevogo Obshcheniya*, 1997, no. 2, pp. 10–15. (In Russian)
8. Apresyan R.G. The power and violence of the word. *Chelovek*, 1997, no. 5, pp. 7–13. (In Russian)
9. Skovorodnikov A.P. On the ecology of Russian language. *Filologicheskie Nauki*, 1992, nos. 5–6, pp. 104–111. (In Russian)
10. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Linguotoxic phenomena in speech and language. *Mir Russkogo Slova*, 2017, no. 3, pp. 28–32. (In Russian)
11. Habermas J. *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. Suhrkamp, 1983. 207 p. (In German)
12. Nichols T. *The Death of Experience. The Campaign against Established Knowledge and Why It Matters*. Oxford Univ. Press, 2017. 272 p.

⟨ **Для цитирования:** Палеха Е.С. Лингвоэкология как фактор информационно-коммуникативной безопасности в сети Интернет // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 5–6. – С. 117–126. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.117-126. ⟩

⟨ **For citation:** Palekha E.S. Linguoecology as a factor of information and communication security on the Internet. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 117–126. doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.117-126. (In Russian) ⟩